

Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов

Аганбегян Абел Гезевич

Академик РАН, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, пр-т Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571, aganbegyan@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9689-7005

Аннотация

В сентябре 2018 г. на IV Восточном экономическом форуме в г. Владивостоке Президент РФ В.В. Путин поручил разработать национальную программу социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 г., которая должна заменить действующую Государственную программу развития этого региона до 2025 г. В ходе ее подготовки проделана большая работа по отбору проектов, которые предполагается и предлагается реализовать во всех одиннадцати субъектах РФ, входящих теперь в состав округа. Результаты этой работы представлены в проекте программы, который обсуждается с июля 2019 г. В настоящей статье анализируется содержание подготовленного проекта, его соответствие целевым показателям, предусмотренным в указах Президента РФ (май 2018 г.) и постановлениях Правительства РФ в части обеспечения реализации этих указов. Констатируется, что за прошедшие после утверждения Государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона 5 лет так и не получено положительных результатов ни в экономическом, ни в социальном плане. Даже рост инвестиций в Дальневосточном федеральном округе на 17% в 2017 г., который упорно связывают с эффектом новой экономической политики на востоке РФ, в том числе с действием разнообразных льгот и дополнительным финансированием, никак не сказался на росте экономики и качестве жизни населения. Основы для хотя бы 3–4% ежегодного экономического роста до сих пор не создано, хотя национальная программа декларирует достижение роста в размере 6% в год. Аргументируются условия, при которых увеличение темпа роста инвестиций и их доли в ВРП региона обеспечит отклик в форме увеличения общеэкономических темпов роста с определенным лагом

Ключевые слова: качество жизни, Дальний Восток, экономика знаний, демография, инвестиции в основной капитал,

Аганбегян Абел Гезевич "Развитие Дальнего Востока: национальная программа..."

национальная программа, вложения в человеческий капитал,
реальный сектор экономики, темпы роста

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Реальная оценка общей экономической ситуации на Дальнем Востоке далека от оптимизма, с которым она описана в проекте национальной программы. Положительная динамика промышленного производства, которой оперируют разработчики, чтобы показать успешность решения задачи ускорения экономического роста в регионе, как неоднократно отмечалось аналитиками (Синтез..., 2011, гл. 3), является хорошо известной особенностью дальневосточной экономики, базирующейся до настоящего времени на добывающей промышленности. В периоды хорошей конъюнктуры на внешних рынках промышленный рост в регионе обычно выше средних значений по национальной экономике.

Однако сельское хозяйство региона за 6 лет увеличило объем производства всего на 7,5% при росте в целом по России на 20%. При этом собственно рост сельскохозяйственного производства отмечался лишь в 2014 г. (118,7%) и в 2017 г. (108,8%). Зерновое хозяйство фактически деградировало, сократившись в 2,5 раза, производство мяса в живом весе за 6 лет снизилось на 10%, а молока - на 8%.

Еще хуже обстоит дело в строительстве. За 6 лет стагнации его общий объем в постоянных ценах снизился на 20%. Ввод жилья в регионе показал за 6 лет нулевой рост при отрицательных темпах прироста в 2015 г. (минус 0,5%), в 2016 г. (минус 2%) и в 2017 г. (минус 11%). Можно сказать, что отрасль жилищного строительства на Дальнем Востоке деградирует.

В результате общая задача, поставленная перед Дальним Востоком, - развитие всей экономической системы, характеризующееся темпами роста валового регионального продукта, весьма далека от решения.

Седьмой год на Дальнем Востоке, как и во всей стране, продолжается стагнация (Аганбегян, 2019; Минакир, 2018). Отдельные показатели экономики и социальной сферы немного растут - в пределах 1-2%, другие примерно на такую или на большую величину сокращаются. В 2018 г. ВРП Дальневосточного федерального округа увеличился по отношению к 2012 г. только на 1,9% против 3% в целом по России. При этом в 2013 г. и в 2017 г. прирост ВРП был отрицательным (минус 0,9% и минус 0,2% соответственно). Из

всех субъектов РФ, входящих в состав ДФО, только Республика Саха (Якутия) демонстрирует относительно устойчивый экономический рост, увеличив объем ВРП за 2012-2018 гг. на 10,9% (2013 г. - 0,9%, 2014 г. - 3,2%, 2015 г. - 1,7%, 2016 г. - 4%, 2017 г. - 0,7%). Другие дальневосточные субъекты РФ, и особенно Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, демонстрируют нулевой или отрицательный рост в терминах валового регионального продукта.

Вместе с тем за последние 5 лет на Дальнем Востоке осуществлен ряд крупных мероприятий в области регулирования и стимулирования инвестиционной активности, чего не было в других регионах России, которые демонстрировали значительно более высокий и стабильный рост (Исаев, 2017). Эти мероприятия, как и очевидная приоритетность развития региона для руководства страны, стремление разместить на Дальнем Востоке максимально возможное количество крупных инвестиционных проектов, беспрецедентно высокие в условиях санкционного давления и жесткой финансово-кредитной и бюджетной политики в целом по стране государственные и частно-государственные инвестиции в инфраструктуру, обусловили повышение нормы инвестиций в основной капитал до запредельного для современной России уровня - около 30% в ВРП в отличие от 17% в среднем по России. Но высокая норма инвестирования сочетается с низкими темпами социально-экономического развития.

Необходимо ответить на вопрос о том, почему для Дальнего Востока не выполняется теоретическая зависимость между увеличением доли инвестиций в валовом внутреннем продукте и увеличением темпов социально-экономического развития. В Казахстане, например, где эта доля тоже около 30%, обычно экономический рост в последние годы составляет около 4%. Развивающиеся страны в среднем при доле инвестиций в ВВП 30-35% развиваются довольно устойчивым темпом - 4-5%. Почему Дальний Восток оказывается исключением из этого общего правила?

Можно высказать ряд предположений. Во-первых, в 2013-2018 гг. инвестиции в основной капитал на Дальнем Востоке сократились. В процентах к предыдущему году динамика инвестиций составила: в 2013 г. - 83,2%, в 2014 г. - 93,4%, в 2015 г. - 98,9% и в 2016 г. - 98,8%. За четыре года, как видно, инвестиции снизились на 24%. Затем в 2017 г. они сразу увеличились на 17,1%. Столь беспрецедентный рост инвестиций

(в России они выросли на 4,4%) наполовину был связан с приростом инвестиций в основной капитал у резидентов территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток. В том числе иностранные компании вложили в экономику Дальнего Востока 90 млрд руб. - 26% всех иностранных инвестиций, пришедших в Россию в минувшем году. При этом инвестиции в Амурской области выросли на 36,6%, в Якутии - на 35,4%, в Сахалинской области - на 17,3%. Но они сократились в Хабаровском крае на 4,7% и в Приморском крае на 5,3%. А еще больше в Еврейской автономной области и на Чукотке.

Как видно, единовременный рост инвестиций был связан с принятыми на федеральном уровне решениями о льготах по привлечению инвестиций, прежде всего, в территории опережающего развития. Но потом вновь в 2018 г. рост инвестиций оказался небольшим. Так что в целом объем инвестиций на Дальнем Востоке в 2013-2018 гг. сократился на 7%. И поэтому 17-процентный рост инвестиций в 2017 г. не смог обеспечить даже нулевой рост экономики Дальнего Востока.

Во-вторых, стагнация экономики Дальнего Востока на фоне высокой нормы инвестиций в ВВП связана с низкой прибыльностью и высокой убыточностью предприятий и организаций Дальнего Востока, у которых не хватает средств для того, чтобы даже поддерживать нулевой рост. В сравнении с общероссийскими данными, тоже неудовлетворительными, финансовый результат дальневосточных предприятий (прибыль минус убыток) в 1,5 раза по отношению к ВРП ниже среднероссийских показателей. В России сальдированный финансовый результат составляет 7,3% к ВВП, а на Дальнем Востоке - 3,1% - всего 282,2 млрд руб. Доля убыточных предприятий на Дальнем Востоке составляет 35%, а в России меньше - 32%. Якутия развивается быстрее средних цифр по Дальнему Востоку, в частности, потому, что финансовый результат ее предприятий существенно лучше и убыточность меньше. Она даже ниже среднероссийской (31,2%).

В-третьих, на Дальнем Востоке совершенно не развита банковская система. А филиалы федеральных банков дают намного меньше кредитов предприятиям и организациям Дальнего Востока по сравнению с другими регионами и Россией в целом. Сумма кредитов предприятий и организаций Дальнего Востока в 1,6 раза меньше средних показателей по России опять-таки в процентах к ВРП. Задолженность юридических лиц ДФО

по кредитам в 2018 г. оценивалась в 608 млрд руб., что составило менее 2,7% к российскому показателю, в то время как ВВП Дальнего Востока составил 4,2% от российского.

Заметим также, что доля привлечения бюджетных средств для инвестиций на Дальнем Востоке существенно ниже, чем в целом по России. В процентах к общей сумме инвестиций она составляет 11,2%, в то время как в России 15,3%. По линии федерального бюджета тоже выделяется меньше средств - 6,4% в сравнении с 7,4% в среднем по России. Фактически Министерство финансов РФ, вынужденное предоставлять льготы по инвестициям для предприятий в ТОР, пытается отыграть часть средств назад, сокращая бюджетные инвестиции для региона.

Финансовые вложения в народное хозяйство на Дальнем Востоке в 2018 г. составили 1,6% от общероссийских финансовых вложений, что втрое меньше удельного веса ВРП Дальнего Востока в ВВП РФ.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на Дальнем Востоке слишком много предприятий и организаций ежегодно ликвидируется по сравнению с вновь организованными. В 2018 г. прекратили существование 23 тыс. предприятий и организаций, а вновь зарегистрировано только 14,1 тыс. На тысячу предприятий и организаций, таким образом, ликвидировано 155, а в России - ПО. Недостаточно развит в регионе малый и средний бизнес, вклад которого в региональное развитие невелик даже по отношению к крайне низким показателям России в целом.

В-четвертых, может быть, одной из существенных причин медленного развития экономики Дальнего Востока является сравнительно низкое качество человеческого капитала. Казалось бы, Приморский край должен стать основной кузницей высококвалифицированных кадров, там организован федеральный университет, сосредоточено наибольшее число научных организаций, в том числе Дальневосточное отделение Российской академии наук. Между тем именно для Приморья характерна самая низкая среди субъектов РФ на Дальнем Востоке доля расходов на образование в добавленной стоимости - 3,1%.

О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ И УРОВНЕ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В докладе по проекту национальной программы справедливо говорится об отставании Дальнего Востока по основным параметрам благосостояния населения региона, имея в виду соотношение показателей благосостояния со средними показателями по России. Следует, конечно, особо подчеркнуть, что номинально денежные доходы и потребительские расходы на душу населения на Дальнем Востоке выше, чем в России. Но одновременно стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе дороже в среднем на 21% по сравнению с усредненными данными по России. Поэтому реально конечное потребление домашних хозяйств в сопоставимых ценах на Дальнем Востоке составляет, по нашим расчетам, 94% от общероссийского показателя, и только в Якутии - 103%. А уровень и динамика конечного потребления, на взгляд автора, - это главный показатель благосостояния населения наряду с жилищными условиями и ожидаемой продолжительностью жизни.

Вместе с тем недостаточное внимание уделено демографическим проблемам. Разработчики акцентируют внимание на рождаемости, выдвинув совершенно нереальную задачу - повысить суммарный коэффициент рождаемости до 2,07. По мнению автора, увеличение рождаемости не является ни для России, ни для Дальнего Востока главной проблемой (Аганбегян, 2019а). Она достаточно высока. Но вот ее поддержание на существующем уровне действительно представляет собой серьезную проблему из-за резкого сокращения числа женщин в фертильном возрасте в условиях возрастных сдвигов и в связи с начавшимся с 2016 г. снижением суммарного коэффициента рождаемости. Для преодоления действия этих факторов и удержания уровня рождаемости нужно вкладывать в разы больше денег в стимулирование рождаемости, чем намечено на эти цели. В таких условиях программировать рост уровня рождаемости - ложная задача.

Гораздо легче избежать депопуляции за счет сокращения уровня смертности, который в России, в отличие от рождаемости, катастрофически превышает показатели других стран, особенно на Дальнем Востоке. А сколь-нибудь серьезных

мероприятий по ее снижению, кроме общих фраз о развитии профилактики и воссоздании нескольких сот дополнительных фельдшерских пунктов, не предлагается. Нужны в действительности реальные мероприятия по радикальному сокращению (в 2-4 раза) уровня смертности трудоспособных, особенно смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, не говоря уже о неизмеримо более трудной задаче по уменьшению смертности от онкологических заболеваний. Отсутствует формулирование задачи по резкому (в 2-3 раза) увеличению расходов на здравоохранение, доля которых по отношению к валовому внутреннему продукту и в России в целом, и на Дальнем Востоке втрое ниже, чем в развитых и даже в ряде развивающихся стран.

Отсутствует важный тезис о том, что уровень социального развития Дальнего Востока резко занижен по отношению к достигнутому уровню экономического развития, который измеряется величиной реального валового внутреннего продукта на душу населения. Этот показатель на Дальнем Востоке на 29% выше, чем в среднем по России, и составляет более 600 тыс. руб. на душу населения, а в Якутии даже свыше 900 тыс. руб., что является одним из самых высоких показателей в России. Это может быть источником повышения уровня реальных доходов и конечного потребления. Конечно, как отмечалось выше, в регионе относительно высока доля накопления основного капитала в ВРП. Но эта доля составляет всего 30%, что оставляет широкие возможности и для значительного увеличения конечного потребления. И надо детально разобраться, почему более высокий уровень производительности труда и более высокий уровень экономического развития Дальнего Востока не привел хотя бы к сопоставимому уровню жизни населения региона.

В определенной мере это связано с нерациональным расходованием инвестиций, большая часть которых направляется в производственную сферу, меньшая - в социальную сферу. В частности, на Дальнем Востоке одни из худших в России показателей жилищного строительства, обеспеченности комфортным жильем на душу населения и его благоустройства. И это сильно сдерживает экономический рост. Распределители инвестиций, видимо, не понимают роль жилищного строительства как мощнейшего драйвера социально-экономического роста. Ведь в нормальной экономике по крайней мере 20-25% экономического роста связано с ростом объема

жилищного строительства, который генерирует спрос на развитие инфраструктуры, коммунального хозяйства, промышленности стройматериалов и других отраслей, рост покупок, связанных с приобретением нового жилья. Жилищное строительство обуславливает огромные финансовые потоки, в том числе в связи с продажей вторичного жилья. И все это увеличивает объемы ВРП (Буданов, 2017). Проиллюстрированное выше отставание жилищного строительства на Дальнем Востоке фактически лишает регион важного источника экономического роста. Из драйвера экономического роста жилищное строительство превращается в его тормоз.

В проекте национальной программы намечается рост жилищного строительства в 1,6 раза, что не сокращает, а увеличивает отставание Дальнего Востока от общероссийских показателей. В России в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. (О национальных..., 2018) намечено ввести к 2024 г. 120 млн м² жилья, или увеличить ввод жилья за 6 лет в 1,6 раза. А в национальной программе развития Дальнего Востока декларирует такой рост за 7 лет (к 2025 г). Результат будет плачевен. В 2018 г. в расчете на душу населения на Дальнем Востоке введено в 1,9 раза меньше жилья, чем в целом по России. Выполнение наметок национальной программы увеличит этот разрыв к 2025 г. до 2 раз, вместо того чтобы попытаться сократить его хотя бы до 1,5 раза, а лучше до 1,3 раза. При этом гораздо важнее улучшения соотношения статистических показателей реальное увеличение темпов экономического роста и улучшение условий для притока населения.

Недостаточно конкретно отражены в национальной программе задачи по развитию образования, особенно по подготовке высококвалифицированных рабочих и инженеров, а также врачей и учителей и переподготовке менеджеров, воспитанию лидеров, которые смогут обеспечить социально-экономический рост. Для этого нужно увеличить расходы на образование, крайне низкие с позиции новых задач, с 3,6% в ВВП хотя бы до 6-7%.

Острая проблема Дальнего Востока - наличие значительной части населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. В Якутии их доля составляет 20%, в Амурской области - 16%, в Приморском крае - 14,5%, в то время как в России - 13%. И лишь в Сахалинской области этот показатель составляет около 10%. Но в Сахалинской области наибольший

разрыв уровня жизни богатых и бедных. Коэффициент фондов (разница в среднедушевых доходах 10% бедных и 10% богатых) составляет 15,3 раза. В Якутии - 13,9, в Амурской области - 13,8, в Хабаровском крае - 12,7, в Приморском крае - 12,3. Так что социальное неравенство здесь весьма высоко, более чем вдвое выше, чем, например, в Японии. В программе не обосновываются серьезные меры по сокращению этого социального неравенства, которое является одной из основных причин отрицательной миграции.

В России в целом, в том числе и на Дальнем Востоке, крайне низок минимальный уровень заработной платы (Мау, 2019). Он в 2-3 раза ниже стран с примерно таким же уровнем социального и экономического развития, как в России. Минимальная зарплата во всех государствах - важный регулятор уровня жизни людей. Этот уровень непрерывно повышается. И в цивилизованных странах он всего в 2-2,5 раза ниже средней заработной платы. В России этот показатель в 4 раза ниже средней зарплаты, и 10% всех работающих получают зарплату на минимальном уровне - 12 тыс. руб. И это в среднем, следовательно, значительная часть работающих получает еще ниже. В национальной программе отсутствует какая-либо установка по регулированию минимальной зарплаты. Это важнейший рычаг воздействия на уровень зарплаты, а значит на уровень доходов и потребления работников, занятых в частном секторе. Минимальная зарплата на Дальнем Востоке к 2025 г. должна быть повышена хотя бы в 2-3 раза. Это будет самым крупным мероприятием и по сокращению бедности, и по предотвращению отрицательной миграции. К тому же это будет стимулировать предприятия и организации к механизации и сокращению низкооплачиваемого и малоквалифицированного труда.

Важным стимулом переезда опытных работников на Дальний Восток могло бы стать преимущественное пенсионное обеспечение. Пока никаких льгот в этом отношении не предусматривается.

О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В проекте национальной программы по каждому из субъектов РФ дается довольно длинный перечень создания новых

предприятий или прироста мощностей у действующих предприятий. При этом отсутствует даже попытка отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного. К примеру, Удокан в Забайкальском крае, который при своем освоении даст четверть валового регионального продукта этого края, соседствует в одном предложении с объектами, которые не дадут даже 0,1% прироста ВРП.

Приоритетность - крайне важный пункт составления любой стратегии (Демьяненко, 2019; Синтез..., 2011). Именно приоритетные объекты формируют приток трудовых ресурсов, обеспечивают наибольший экономический рост. Вокруг них создается и приоритетная социальная среда. Вся стратегия освоения Востока - ставка на приоритетные объекты, а не сплошное перечисление десятков объектов, которые нужно создавать. Не надо стремиться в стратегии охватить каждое предприятие. Надо выделить важнейшие проекты, которые и определяют облик будущего. Именно они должны быть объектами программирования, ибо от приближения их ввода зависит успех дела. Для этих приоритетных объектов должны создаваться особые условия, выделяться лучшие стройорганизации, направляться лучшие управленцы и т. д. Этот подход должен пронизывать всю национальную программу (Аганбегян, 2019b).

Особое значение для Дальнего Востока имеет транспорт. Он уже стал существенным тормозом, и вопиющие недостатки в его развитии в последние годы привели к потере Россией нескольких миллиардов долларов. Речь идет об ограниченных возможностях пропуска китайских грузов, в том числе контейнеров через станцию Забайкальск. Раньше Забайкальск был монопольным пунктом пропуска китайских грузов по железной дороге, в том числе контейнерных перевозок. И, соответственно, Россия получала из-за протяженности дороги по России в Западную Европу значительную часть от доходов на эту перевозку. Но этот переход не развивался, поезда задерживались на сутки, и это стало невыгодным. Этим воспользовался Казахстан и вместе с китайцами вложил огромные деньги в создание современного перехода, где простой составляет несколько часов, а не дней, как в Забайкальске, и где проходят уже подготовленные для маршрута скомплектованные грузовые поезда, в отличие от Забайкальска, где их формирование происходит перед станцией. В результате подавляющая часть грузов, особенно контейнеров, из Китая идет через Казахстан, а далее - сразу в Западную Сибирь, что в 1,5 раза уменьшило выручку с одного контейнера.

Только на контейнерных перевозках Россия уже потеряла миллиард долларов. И с каждым годом, поскольку контейнерные перевозки растут, она теряет сотни миллионов долларов. До сих пор ничего не сделано и не делается.

Другим тормозом явится недостаточная пропускная способность Транссиба и БАМа. Дело уже дошло до того, что грузоотправители, в частности угольщики, предлагают свои средства, чтобы реконструировать дорогу, повысить ее пропускную способность, изъяв эти средства у своих предприятий. Нужны кардинальные федеральные решения. Не перевозка 210 млн тонн грузов, а реальные мероприятия, которые гарантировали бы действительную коренную реконструкцию важнейших транспортных магистралей, является программной задачей.

Следует вспомнить опыт строительства БАМа. Тогда были привлечены железнодорожные войска, которые в срок построили, как известно, восточную часть БАМа. Почему бы сегодня не привлечь эти окрепшие и выросшие железнодорожные войска к ликвидации наметившегося отставания в этой области?

В перечне объектов для строительства на Дальнем Востоке преобладают добывающие предприятия. Причем торгуют они концентратом меди или магнетитовых руд, целлюлозой, пиловочником, то есть полупродуктами, а то и просто сырьем вроде нефти или газа. Не поставлена задача глубокой переработки той же меди на территории России, производства конечной продукции лесопромышленного комплекса. Даже в газо- и нефтехимии, где мы пока серьезно отстаем, тоже намечено ограничиться полупродуктами типа полипропилена.

Дело доходит до того, что это сырье не используется для давно назревших внутренних нужд. Газ собираются перекачивать в Китай, но никаких серьезных планов газификации Бурятии, Забайкальского края, Амурской области и других областей Дальнего Востока пока не намечается. В России совершенно не развиты высокие переделы нефтехимии. Технологии производства синтетических материалов, изделий из них - все закупается. А для новых мощностей добывающей промышленности почти все оборудование тоже намечают импортировать. При этом из-за вдвое заниженного курса рубля реальная стоимость инвестиций в основной капитал значительно увеличивается.

Между тем можно было бы на Дальнем Востоке соорудить десятки предприятий машиностроительного комплекса сборочного типа, например, по созданию техники для нефтехимии, где в основном нужны емкости, перекачивающие устройства и т. д. Постепенно сборочные предприятия, создаваемые за относительно небольшие деньги, начнут брать на себя все большие функции - сварка, покраска, изготовление отдельных деталей и узлов. Постепенно это будет стимулировать повышение степени локализации производства. Так за несколько лет можно наладить производство необходимого нам оборудования.

Это - не фантазии. Например, в Акмолинской области Казахстана построен завод, который на основе поставок Россельмаша уже производит тысячу комбайнов в год. За несколько лет локализация превысила 50%. То же самое там сделано с КАМАЗом, и сейчас они намечают уже выпускать 3 тыс. КАМАЗов, намечая поставлять их в другие страны. Начата аналогичная работа с John Deere, крупнейшей американской фирмой по производству сельхозтехники, и еще с 24 предприятиями в мире по созданию различной сельскохозяйственной техники.

Существует и аналогичный опыт в России. Во Владимирской области на Ковровском электромеханическом заводе наряду с крупнейшим производством оборонной техники в свете указания о доведении уровня гражданской продукции до 30% создано два новых больших производства. Во-первых, в кооперации с японской и южнокорейской фирмами налажен выпуск токарно-фрезерных обрабатывающих центров. Уровень локализации постоянно повышается, к работе подключены уже 10 предприятий Владимирской области. Созданным конструкторским бюро выполняется проектирование и уже выпущены первые образцы российского обрабатывающего центра. Строится новое производство с утроением выпуска. Во-вторых, в кооперации с чешским заводом организован выпуск мобильной техники, современных 180-сильных тракторов с уже намеченными планами более глубокой локализации. Уже серийно производятся различные типы грузоподъемников и другой техники. Намечено выпускать тысячи таких машин, и производство расширяется, принося заводу все большую прибыль.

Крайне важно сделать ставку на приоритетное развитие обрабатывающей промышленности. На Дальнем Востоке ее

удельный вес в создании валового продукта не превышает 5%. Для региона, претендующего на стабильный и высокий экономический рост, что предполагает развитие основной группы отраслей машиностроения, определяющих развитие всех других отраслей, это недопустимо мало, даже учитывая наличие межрегиональной кооперации. Нынешнее положение вещей, когда 70-80% машин и оборудования импортируется, нетерпимо. Экономический рост предполагает ускоренную реконструкцию старых предприятий, изношенных физически и морально основных фондов (Погосов, 2018). Импортировать все необходимое не просто дорого, но часто и физически невозможно, в том числе и из-за санкций.

И в целом по стране, и на Дальнем Востоке ситуацию с производством средств производства необходимо кардинально изменить. Ведь мы даже простую турбину для парогазовой электростанции, где КПД вдвое выше, чем на наших уже действующих электростанциях, которые потребляют вдвое больше газа, чем надо, не можем произвести. Хотя производим двигатели для самолетов, в том числе и новейшие типа ПД-14, не уступающие западным образцам, что неизмеримо более сложно. Я не говорю уже о ракетных двигателях, которые из России до сих пор США покупают и не могут от них отказаться, несмотря на все окрики из Конгресса о недопустимости поощрять ракетную промышленность России. Можно привести много примеров, доказывающих, что все можно сделать, если этим заняться всерьез.

Согласно проекту национальной программы для достижения экономического роста 106% в год в период 2019-2025 гг. на Дальний Восток должно поступить 11,5 трлн руб. инвестиций (в период 2012-2018 гг. поступило 7 трлн руб.). Это означает ежегодный прирост объема инвестиций в основной капитал порядка 8%. Такой прирост инвестиций никогда не даст шестипроцентного экономического роста, тем более что нужно преодолеть стагнацию. В лучшем случае при таком росте инвестиций общий экономический рост может составить 104% в среднем за год.

Следует иметь в виду, что не только в целом для России, но и для Дальнего Востока первоочередной проблемой является в настоящее время даже не ускорение экономического роста, а преодоление стагнации в экономике (Аганбегян, 20196). В отличие от кризиса стагнация не имеет внутреннего механизма возобновления экономического роста. Именно поэтому

стагнация является длительным процессом. В России она продолжается уже 7 лет, в США длительность стагнации в 1970-х - начале 1980-х гг. составила 12 лет. В то же время максимальная продолжительность фазы кризиса - 2-3 года. Например, хотя кризис 2009 г. в России был самым глубоким среди 20 ведущих держав мира, докризисный уровень по основным экономическим и социальным показателям был восстановлен практически за 1,5 года.

Длительность стагнации связана с тем, что в ее рамках формируются негативные тренды, которые тянут экономику вниз. Следует иметь в виду основные из них, характерные для современной России.

Во-первых, огромный отток капитала, продолжающийся 11-й год после 2008 г. В 2019 г, судя по данным Центрального банка за прошедшие месяцы, отток капитала по объему даже превысит уровень 2015-2018 гг.

Во-вторых, резкое сокращение коэффициента выбытия и обновления основных фондов из-за сокращения инвестиций (Погосов, 2018). Уже 23% машин и оборудования в России работают свыше сроков амортизации. На Дальнем Востоке этот процент вдвое меньше, но он ежегодно растет.

В-третьих, происходит сокращение государственного бюджета в постоянных ценах, так как налоги от нефти в формировании бюджета в 4 раза выше, чем доля нефти в создании ВВП. Поэтому сократившиеся цены на нефть снижают объем бюджета. А ведь консолидированный бюджет - это 37% всего ВВП России.

В-четвертых, ухудшающиеся демографические тренды, связанные с уменьшением численности трудоспособных, возобновившейся крупной депопуляцией и сокращающейся численностью населения с 2018 г. в связи со снижением положительного сальдо миграции. Эти тренды недавно стали приобретать силу, и они будут усугублять положение, по крайней мере, до 2030 г.

В-пятых, снижение реальных доходов населения в течение последних 7 лет, что блокирует рост платежеспособного спроса населения, который является одним из ключевых факторов экономического роста.

Для того, чтобы переломить эти тренды и возобновить социально-экономический рост, нужны сверхусилия. Необходимо ежегодно на 10% увеличивать вложения в главные драйверы социально-экономического роста - инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал (в сферу

«экономика знаний», включающую НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). На Дальнем Востоке эти показатели должны были бы увеличиваться не менее чем на 12-14% в год, чтобы гарантировать шестипроцентный устойчивый рост экономики.

Нельзя надеяться, что государство выделит такие деньги из бюджета. Таких денег там нет. Основные финансовые ресурсы в России сосредоточены в банковской системе, активы которой составляют 92,5 трлн руб., тогда как вся сумма государственных денег, включая внебюджетные фонды (пенсионный, здравоохранение и социальный), составляет менее 40 трлн руб. Но этот источник почти совсем не используется Дальним Востоком. Одним из способов решения проблемы является увеличение, по меньшей мере двукратное, кредитования дальневосточных предприятий и организаций, причем использовать форму инвестиционного кредита. По действующим процентным ставкам это сделать невозможно (Мойсеев, Черковец, 2018). Поэтому необходимо предусмотреть в национальной программе механизм и ресурсы для такого инвестиционного маневра.

На реконструкцию и расширение действующих производств при окупаемости 5-7 лет подошел бы инвестиционный кредит при 5% годовых. Для ввода новых мощностей с окупаемостью 10-12 лет нужен кредит под 4% годовых. А для инфраструктурных проектов с окупаемостью 20-25 лет стоимость кредита не должна превышать 3% в год.

Есть некоторые ожидания на снижение ключевой ставки Банка России, но вряд ли она снизится в ближайшие 1,5-2 года ниже 6%. Это означает, что кредиты коммерческих банков будут выдаваться под 8% в лучшем случае. Можно было бы субсидировать процентные ставки по инвестиционным кредитам из региональных бюджетов. Это относительно небольшие деньги. Например, чтобы использовать 1 трлн руб. для кредитования на инвестиционные цели по вышеуказанным сниженным ставкам, нужно вложить меньше 50 млрд руб. в год. Плюс поручительства руководства субъектов РФ за возврат кредитов.

Следует понимать, что использование инвестиционных кредитов позволит сэкономить значительные средства, поскольку будет исключено нецелевое использование, повысится эффективность закупок оборудования, повысится качество строительных контрактов. Это будет обеспечено за счет подключения к экспертизе и заключению контрактов крупных

коммерческих банков, имеющих более квалифицированных сотрудников, и к тому же крайне заинтересованных в возврате кредита и процентов.

Пока не возобновится значимый экономический рост, субъектам РФ и самим нужно широко использовать кредиты, особенно бюджетные и из средств Внешэкономбанка, поскольку они самые низкопроцентные, доведя долю заемных средств до 50-60% от суммы доходов соответствующих бюджетов. Целесообразно привлечь финансовые ресурсы за счет выпуска региональных облигаций и поддержания некоторого уровня дефицита региональных бюджетов. Все эти дополнительные средства надо не проедать безвозмездно, а вкладывать в окупаемые проекты, чтобы деньги гарантированно возвращались, обеспечивая дополнительный социально-экономический рост.

В проекте национальной программы содержится правильное предложение о формировании фонда развития Дальнего Востока, который мог бы как фонд Минпрома РФ выдавать кредиты с процентной ставкой от 1 до 5%. Но сумма, которая для этого запрашивается, должна быть увеличена в 2-3 раза, если действительно стоит задача обеспечить значимый экономический рост.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ПРОГРАММЕ

Идея национальной программы развития Дальневосточного федерального округа, который теперь включает в свой состав 11 субъектов РФ, занимающих более 40% территории страны, заключается в обеспечении ускоренного развития этого региона как важнейшего геополитического плацдарма страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако это ускоренное развитие не сводится лишь к темпам роста и / или объемам привлеченных в регион инвестиций. Главная задача - обеспечить ускоренное увеличение общеэкономического потенциала, уровня социального развития и качества жизни населения.

В представленном проекте программы именно этой генеральной направленности развития не чувствуется. Например, отмечается, что на Дальнем Востоке запущена реализация 1500 новых инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 3,8 трлн руб. и созданием до 2025 г. 135 тыс. рабочих мест. Но следует точно оценить значение этих

показателей с точки зрения прироста объемов ВРП по годам при реализации этих проектов.

Отсутствует оценка важнейших объектов федеральной значимости, вклад которых в ВРП Дальнего Востока будет наиболее значительным. Не выполнена группировка приоритетных объектов по отраслям или кластерам с соответствующими результирующими показателями.

Недопустимо одновременно бороться за ускорение развития, привлечение инвестиционных ресурсов и проектировать их растрату. Например, стоимость создания одного рабочего места в регионе проектируется на уровне около 28 млн руб., или более 400 тыс. долл. США. Даже с учетом северного удорожания и высокой степени инфраструктурной необустроенности региона, большой доли добывающей промышленности это неоправданно высокая цена, которая не встречается, пожалуй, ни в одной стране мира. При такой стоимости рабочего места его окупаемость вообще оказывается под вопросом, какой бы уровень производительности труда ни был обеспечен.

Ключевой задачей для Дальнего Востока является переход от стагнации к устойчивому экономическому росту. Это обеспечит получение субъектами РФ на Дальнем Востоке дополнительных финансовых ресурсов. Каждый процент прироста ВРП обеспечит более 40 млрд руб. дополнительных доходов региональных бюджетов. Прирост в 3% даст дополнительно 120—180 млрд руб., а прирост в 5% - 200-300 млрд руб. Подавляющую часть этих средств нужно будет инвестировать в рост зарплат, подстегивая ее в том числе за счет повышения минимума зарплат, введение дополнительных социальных пособий, прежде всего, малообеспеченным семьям, помощь по разным линиям, в развитие сферы экономики знаний. Это увеличит платежеспособный спрос, стимулирующий рост производительности товаров и услуг.

Кроме того, следовало бы всемерно использовать инвестиционные кредиты на длительные сроки под низкие проценты (3-4% годовых) на финансирование окупаемых проектов сферы «экономика знаний». Приобретение профессиональных знаний людьми на платной основе можно резко расширить, если перейти к массовому кредитованию людей под 3-4% годовых на 10-15-20 лет. Поскольку получение людьми профессиональных знаний, начиная от обучения на программиста или квалифицированного рабочего и кончая магистерским образованием, аспирантурой, докторантурой,

поствысшим образованием с переподготовкой, обеспечит рост зарплат, которые частично будут использованы и для оплаты полученных образовательных кредитов. Так принято в других странах. И нужно, чтобы Дальний Восток именно в этих начинаниях, а не только в стимулировании инвестиций самих по себе, был бы примером.

И самое главное. Ставка должна быть сделана на лучшие предприятия и организации, на лучших руководителей, которым нужно давать дополнительные льготы, раскрывать для них новые возможности, чтобы они в полной мере использовали свой потенциал и талант. Самое главное, чтобы на этих лучших предприятиях и в организациях, которые в любом субъекте РФ есть, учились бы люди, набирались опыта. Лучшее должно распространяться. Кадры, которые добились лучшего, должны перемещаться с повышением в худшие места, где они с учетом своего опыта будут поднимать отстающие предприятия, организации, муниципалитеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3-15.
2. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019b. № 2 (60). С. 17-23.
3. Буданов И.А. Формирование инвестиционной модели экономического развития России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 3-16.
4. Демьяненко А.Н. Несколько слов о проекте Национальной программы развития Дальнего Востока//Регионалистика. 2019. № 3. С. 5-12. DOI: 10.14530/reg.2019.3.5.
5. Исаев А.Г. Территория опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61-77.
6. Мау В.А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. №3. С. 5-28. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-3-5-28.

7. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7-15. DOI: 10.14530/86.2018.1.007-015.
8. Моисеев А.К., Черковец М.В. Сценарный прогноз динамики процентных ставок и объема внутреннего кредита в России в 2018-2022 гг. // Проблемы прогнозирования. 2018. №5. С. 73-80.
9. Национальная программа развития Дальнего Востока до 2025 года / Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта. 2019. URL: (дата обращения: июль 2019).
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: июль 2019).
11. Погосов И.А. Основной капитал России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 4. С. 17-26.
12. Синтез экономических и научно-технических прогнозов. Тихоокеанская Россия - 2050 / под общ. ред. П.А. Минакира. В.И. Сергиенко / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука. 2011.